

— Моё имя — Цинцзя? — подумал он.

— Му Цинцзя. Ты здесь?

— Я здесь. Кто ты?

Голос собеседника был знакомым, будто являлся частью его самого. Однако, как только Му Цинцзя попытался задуматься, его охватила боль, и он позволил своей душе блуждать в хаосе.

Нет, это нельзя было назвать блужданием, ведь сейчас он был словно погружён в вечную ночь, окружённый бездной. Он цеплялся за крошечную звезду, как за спасительный плот, чтобы не быть поглощённым тьмой.

К счастью, звезда приняла его.

Он плыл в хаосе, то просыпаясь, то снова погружаясь в сон. Сна было больше, чем бодрствования.

Звук «чип-чип» становился всё громче, и Му Цинцзя постепенно осознал, что это, вероятно, звук меча, срезающего дерево.

Почему он знал это? Возможно, потому что сам когда-то часто делал это.

Звук был неритмичным, то быстрым, то медленным, то громким, то тихим, будто отражая настроение своего владельца, полное взлётов и падений.

Шторм усиливался, копыта огненных коней топтали тишину, создавая громкий шум, уничтожая всё спокойствие вокруг.

Последние остатки терпения были разорваны в клочья, и неудачный эксперимент в его руках превратился в древесную стружку.

— Нет. Это не Цинцзя. Нет!

Рёв мужчины разорвал тишину вокруг Му Цинцзя, и он вздрогнул, очнувшись от хаоса.

Мужчина, давший ему имя, был словно разъярённый зверь, яростно уничтожая всё, до чего мог дотянуться, включая самого себя.

Му Цинцзя провёл полночи в напряжении, но в итоге избежал опасности. После страха его охватила необъяснимая боль.

Впервые, помимо инстинкта выживания, у него появилось другое желание — он хотел обнять этого мужчину.

И сказать ему: «Не торопись, не бойся. Я здесь».

Маленькое желание не сбылось. После ярости мужчина постепенно успокоился, вернувшись к своему обычному состоянию.

— Ошибка, — безэмоционально произнёс он. — Три тысячи пятьсот двадцать семь.

Это было количество его неудач.

Река времени текла неудержимо, число неудач увеличивалось, казалось, без конца.

После этого испытания Му Цинцзя больше не хотел спать без сознания. Так он постепенно узнал, что мужчина не часто злился, большую часть времени он был спокоен.

Можно даже сказать, он был молчалив до предела.

«Чип-чип».

Звук повторялся снова и снова, монотонно и неизменно.

Му Цинцзя хотел слышать его голос чаще, иначе ему казалось, что один из них двоих исчезнет.

Но когда он слышал его голос, его охватывала горечь.

За пределами пещеры ливень яростно бил по земле, ударяя по камням, поднимая облака пыли.

Среди шума ливня мужчина тяжело дышал, мир был таким шумным, но Му Цинцзя мог слышать, как ногти мужчины впивались в его плоть.

— Больно.

Его лоб ударился о каменную стену, но это не облегчило его страданий.

Путь к силе был полон мучительных жертв, и он пожинал плоды своих действий. Чтобы прекратить мучения, не оставалось иного выхода, кроме как содрать с себя кожу.

Но время ещё не пришло.

Меч ещё не был готов вернуться в ножны.

Рунические символы на его коже светились ярким красным светом, освещая обломок дерева в глубине пещеры. Он торопился, спотыкаясь, подполз к обломку, но, приблизившись, замер, не решаясь прикоснуться.

Он не хотел обжечь его.

И тогда мужчина медленно упал, свернувшись в клубок, всего в шаге от обломка.

— Больно, больно, больно... Мне так больно, — прошептал он. — Больно, старший брат.

Слёзы не успели выкатиться из глаз, как испарились в воздухе, исчезнув без следа.

Он звал на помощь.

Му Цинцзя отчаянно хотел ответить ему, но не мог.

Он отчаянно хотел увидеть, почему ему больно, хотел двигаться, говорить, обнять его и взять его боль на себя, но не мог.

Звезда постепенно тускнела, и крошечная энергия, поддерживавшая сознание Му Цинцзя, иссякла, и он снова погрузился в хаос.

— Я так по тебе скучаю, старший брат, — голос мужчины становился всё тише.

— Я тоже по тебе скучаю.

— Если я снова проснусь, я обязательно скажу это и останусь с тобой.

Му Цинцзя знал, что его тело находилось в обломке дерева.

Или, как говорил Бу Чэнь, «в очень ценном обломке Древа возвращения души».

Если получить это дерево и вырезать из него фигуру, то душа сможет легко вселиться в него, не ограничиваясь половиной силы оригинала и не ограничиваясь временем вселения.

Обладая той же душой и телом, что и при жизни, он больше не будет подделкой, а станет настоящим Му Цинцзя.

Это была конечная цель Техники вселения духа — «Возрождение».

Но требования для возрождения не ограничивались качеством Древа возвращения души. Мастер должен был вырезать фигуру до абсолютного сходства, будь то конкретные детали, такие как волосы, или абстрактные элементы, такие как дух.

Только достигнув абсолютного сходства и выполнив множество строгих условий, душа могла идеально слиться с телом.

Таким образом, обманув Небесное Дао, можно было возродиться.

Только сейчас Му Цинцзя понял, почему Хо Вэй, который не мог узнать никого по лицу, сразу узнал его.

Потому что всё его существо было создано в триллионах неудач, в мучительной боли, которую Хо Вэй пережил.

Не зная, как вырезать черты лица, он пробовал снова и снова, терпя неудачи, пока не создал лицо, совпадающее с его воспоминаниями.

И, наконец, после бесчисленных попыток, убедившись, что всё идеально, он перенёс это на Древо возвращения души, в котором находился Му Цинцзя.

Так появилось тело Му Цинцзя.

Му Цинцзя прожил жизнь, полную радости, смеясь перед лицом бурь и гроз, но сейчас он не хотел открывать глаза и встречаться с младшим братом.

В темноте он сосредоточенно ощущал боль, исходящую от души, будто только так мог испытать хотя бы толику той боли, что пережил Хо Вэй.

Но рядом с ним всегда был огонь, который не обжигал и не был холодным, как в его воспоминаниях, соблюдая дистанцию, не слишком горячую и не слишком холодную.

Человек-печка осторожно приблизился, чтобы проверить его дыхание.

И тогда Му Цинцзя обнял его, переступив через барьер, называемый «дистанцией».

— Ты уже проснулся и молчишь, — разозлился тот, кто был на нём. — Тебе смешно обманывать меня?

Му Цинцзя молчал.

Всё его тело прижалось к печке, обжигаясь и кипя. Огонь разрушил все правила, пронзил его деревянное тело, лишённое чувств, и обжёг его душу.

Температура Хо Вэй была единственной, которую он мог чувствовать.

Это было тело, которого он хотел коснуться в течение трёхсот тысяч дней и ночей, но не мог. Теперь, когда он получил желаемое, что значила боль?

— Что ты делаешь?!

Хо Вэй был шокирован его неожиданным поведением, нервно пытаясь вырваться.

Му Цинцзя крепче сжал руки, погрузившись в его объятия, и сказал:

— Хочу обнять тебя.

Мужчина в чёрной одежде замер, а волна тепла поднялась к его щекам, окрашивая их в красный.

— Ты обожжёшься, — сначала он отругал его.

Но затем сдался:

— Ладно. Только один раз.

Хо Вэй медленно, с нежностью обнял его в ответ.

Подбородок Му Цинцзя лежал на его плече, мягкие длинные волосы касались уха, лёгкое дыхание ласкало шею, и весь он был мягким, будто слишком сильное объятие могло его растворить.

— Зачем ты меня обнимаешь? — спросил он.

Му Цинцзя тихо засмеялся:

— Наверное, как мотылёк, летящий на огонь.

Боясь жары, но стремясь к свету, он кружился в смертельном очаровании и, наконец, безрассудно отдавал себя, становясь топливом для света.

— Глупости, — усмехнулся Хо Вэй. — Это я мотылёк.

Горя и сгорая до пепла.

Плечо почувствовало влажный холод.

Хо Вэй удивился, хотел вырваться из объятий, чтобы посмотреть на лицо Му Цинцзя, но тот крепко держал его, не отпуская.

— Почему ты плачешь? — спросил он.

Человек, лежащий на его плече, тихо ответил:

— Мне приснилось... что мотылёк осуществил своё желание.

Хо Вэй замолчал, тихо вздохнув.

— Каким бы трудным ни был путь, он всё же осуществил своё желание, — обнял он его. — Это хорошо. Не нужно жалеть его.

Му Цинцзя вышел из объятий, затем серьёзно взял лицо Хо Вэя в руки, открыл глаза, которые не могли сфокусироваться, и заставил его смотреть на себя.

— Младший брат, с твоим телом... что-то не так? — спросил он сосредоточенно.

— Гораздо лучше, чем у тебя, — Хо Вэй щёлкнул по его деревянной руке, раздался глухой звук удара дерева.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16250/1461436>